

Е. И. Носова

Пикардиец, Курносый и Скряга: прозвища при дворе герцогов Бургундских¹

В культуре средневековья теснейшим образом сплетено воедино серьезное и смешное². Казалось бы, что может быть серьезнее, чем официальный документ, отягощенный многочисленными повторами и сухими формулировками, выработанными поколениями юристов? Каково же должно быть удивление исследователя, когда в выверенном официальном документе та или иная личность фигурирует не под именем, данным при крещении, не под названием крупнейшей сеньории, а под прозвищем, причем подчас весьма курьезным! Этот вопрос напрямую связан с тем, как в средние века происходила идентификация человека при условии отсутствия «документов, удостоверяющих личность».

Бургундский двор периода правления герцогов Филиппа Доброго (1419–1467) и Карла Смелого (1467–1477) — один из крупнейших дворов XV в. До конца 80-х гг. XX в. основным источником для изучения бургундского двора были работы Оливье де Ла Марша (1426 (?) — 1502), гофмейстера последнего герцога Бургундского Карла Смелого³. Прослужив всю свою жизнь при дворе,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 13-01-00101а).

² Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 271–277.

³ Использовался, главным образом, его трактат, посвященный описанию двора Карла Смелого: *La Marche O. de. Estat de la maison du duc Charles de Bourgoingne, dit le Hardy // Mémoires / Éd. par H. Beaune et J. d'Arbaumont. Paris, 1883–1888. Vol. 4. P. 1–94*. В отечественной историографии этот источник анализирует Н.А. Хачатурян. См.: Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под редакцией Н. А. Хачатурян. М., 2001. С. 121–136.

он видел его изнутри и был посвящен в мельчайшие детали⁴. Иными словами, в осведомленности ему отказать нельзя. Однако эти источники, посвященные общему описанию двора и предполагающие ряд философских рассуждений о природе и характере власти, не могут дать исследователю ответ на ряд практических вопросов, которые ставит перед ним социальная и экономическая история. Например, кто занимал ту или иную должность, каков был социальный статус этих людей, как финансировался двор, какое содержание получали слуги, как долго они служили при дворе, каковы были перспективы карьерного роста? Эти пробелы можно восполнить, обратившись к законодательным материалам. Благодаря достаточно высокому уровню сохранности бургундского архива историки имеют обширный материал для исследования. Основным документом, регламентирующим состав двора и затраты на него, являлись так называемые придворные ордонансы (*ordonnance del'hôtel*)⁵, создававшиеся по приказу герцога. Ордонансы, по всей вероятности, составлялись с использованием предыдущего текста⁶, поэтому их структура повторяется из года в год с незначительными изменениями. Поскольку основная задача ордонансов заключалась, как полагают, в регулировании затрат на содержание двора⁷, то было необходимо прежде всего четко указать название должности, имя того,

⁴ Ла Марш еще ребенком был зачислен в штат пажей герцога и впоследствии дослужился до первого гофмейстера. О нем существует значительное количество работ, среди которых наиболее полными являются работы А. Стена: *Stein H.* Olivier de la Marche: historien, poète et diplomate bourguignon. Bruxelles, 1888; *Idem.* Nouveaux documents sur Olivier de la Marche et sa famille. Bruxelles, 1922; *Idem.* La date de naissance d'Olivier de La Marche // *Mélanges d'histoire offerts à H. Pirenne.* Bruxelles, 1926. P. 461–464. См. также: *Caron M.-T.* Olivier de La Marche, Philippe de Ternant, ses protecteurs et ses amis // *Publications du centre européen d'études bourguignonnes.* 2003. Т. 43. P. 55–77; *Chauney-Bouillot M.* Les recherches de l'abbé Charles Boulemer, bibliothécaire dijonnais (1725–1803), sur Olivier de la Marche // *Ibid.* P. 257–266; *Devaux J.* Olivier de la Marche, moraliste et pédagogue // *Ibid.* P. 29–43; *Groustra-Werdekker A.H.* Olivier de la Marche, maître général de la monnaie bourguignonne pendant une période turbulente // *Ibid.* P. 137–147.

⁵ *Die Hofordnungen der Herzöge von Burgund. Herzog Philipp der Gute (1407–1467) / Hrsg. von W. Paravicini, H. Kruse.* Ostfildern, 2005; *Paravicini W.* Ordre et règle. Charles le Téméraire en ses ordonnances de l'hôtel // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* An., 1999. P. 311–359. Ордонансы Карла Смелого на сегодняшний день остаются неопубликованными. Однако благодаря базе данных «Бургундская просопография» часть информации из них доступна исследователям. Этот масштабный проект был осуществлен при поддержке Немецкого исторического института в Париже под руководством В. Паравичини. URL: <http://burgundicae.heraudica.org/fmi/iwp/cgi?-db=Prosopographia%20Curiae%20Burgundicae&-loadframes>. Подробно о проекте см.: *Paravicini W.* “Ordonnances de l'Hôtel” und “Escroes des gaiges”. Wege zu einer prosopographischen Erforschung des burgundischen Staats im fünfzehnten Jahrhundert // *Medieval Lives and the Historian. Studies in Medieval Prosopography / Ed. By Bulst N., Genet J.-P.* Western Michigan University, Michigan, 1986. P. 243–266.

⁶ *Die Hofordnungen.* S. 234–235.

⁷ *Kruse H.* Die Hofordnungen Herzog Philipps des Guten von Burgund // *Höfe und Hofordnungen. 1200–1600 / Hrsg. von H. Kruse und W. Paravicini.* Sigmaringen, 1999. S. 141–165.

кто ее занимает, причитающееся ему в связи с этим количество слуг и лошадей или денежное возмещение за их содержание, срок службы (с указанием конкретных месяцев в году, когда должностное лицо обязано присутствовать при дворе⁸). Первый из известных нам бургундских ордонансов датируется 1407 г. Вплоть до гибели герцога Карла Смелого и раздела бургундских земель между королем Франции и Габсбургами в 1477 г. был издан 31 ордонанс, из которых сохранилось 25. Далеко не все они относятся к двору самого герцога: бо́льшая часть регламентирует штаты его ближайших родственников (супруги, наследника, племянников и т.д.). Таким образом, мы получаем росписи штатов как «большого», так и «малых» дворов на протяжении 70 лет, что дает нам при самом приблизительном подсчете примерно 4500 имен.

При попытках выделить из этой массы имен прозвища возникает вопрос, что именно мы подразумеваем под прозвищем. Граница между крестильным именем и прозвищем с одной стороны и прозвищем и фамилией с другой не всегда ясна⁹. Процесс перехода прозвищ в имена и фамилии в период средневековья еще недостаточно изучен¹⁰. В данном случае, чтобы выделить прозвища из массива имен собственных, мы опираемся на указание в текстах ордонансов, где часто фигурирует слово «dit», «по прозвищу»¹¹.

При анализе прозвищ исследователь неизбежно сталкивается с трудностями прочтения и трактовки. В придворных ордонансах, как и в других документах, написание слов варьировалось. Например, виночерпий Пьершон де ле Мот (de le Mote) имел прозвище, писавшееся как Ronsee, Ronse или Rousee, что позволяет нам трактовать его как Ежевика (Ronce), или как Рыжий (Rouse)¹². Но из-за нехватки сведений о самом Пьершоне мы не можем принять или

⁸ При бургундском дворе была чрезвычайно распространена так называемая «serviceàtour» («служба по очереди»), унаследованная от французского королевского двора. Смысл ее заключался в том, что должностное лицо находилось при дворе не в течение всего года, а лишь определенное количество месяцев в году (от трех до шести). Это позволяло давать места при особе герцога большому количеству слуг, не слишком обременяя при этом бюджет.

⁹ Zonabend Fr. Le Nom de personne // L'Homme: Revue française d'anthropologie. 1980. Vol. 20. N 4. P. 8–10; Martin J.-M. Le devenir du cognomen et le début de l'émergence du nom de famille. Bari, 1266–1343 // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes. 1998. T. 110. N 1. P. 87–88.

¹⁰ Pastoureau M. Une histoire symbolique du Moyen Age occidental. Paris, 2004. P. 305. Существует также перевод этой работы на русский язык: Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2012. Эти процессы гораздо лучше рассмотрены применительно к Новому времени. Медиевистика, как нам показалось, в большей степени сосредоточена на изучении крестильных имен.

¹¹ Billy P.-H. Nommer en Basse-Normandie aux XIe–XVe siècles // Cahier des Annales de Normandie. 1995. N 26. P. 227.

¹² Схожие проблемы возникают и у других исследователей при попытках обнаружить корни происхождения прозвищ. См.: Guyojeannin O. L'onomastique émilienne (XIe – milieu XIIIe siècle). Le cas de Reggio Emilia d'après le fonds de San Prospero // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes. 1994. T. 106. N 2. P. 393–394.

отклонить тот или иной вариант, опираясь на словесный портрет или что-либо еще¹³. Часть прозвищ не рассматривается в данном анализе, так как нехватка информации не позволяет их истолковать.

Выявленные прозвища (всего около 200, т.е. примерно 4,5% от имеющихся имен¹⁴) можно условно разделить на четыре типа.

Первый связан с характеристикой моральных или физических качеств человека и его внешности. Физические достоинства и недостатки играли в средневековом представлении о человеке важную роль. Считалось, что внешность отражает внутреннее содержание человека. Физическая красота героев рыцарских романов, которой уделялось так много внимания в текстах, указывала на их несомненно высокие моральные качества. Увечья же, напротив, служили проявлением подлой натуры или трактовались как наказание свыше¹⁵.

Прозвища, встречающиеся в ордонансах, указывают на четверых Заик (*dit Vègie*) при бургундском дворе. Заикание не считалось таким страшным проявлением уродства, как видимые физические недостатки. Скорее заики представлялись посмешищем, их использовали авторы романов для достижения комического эффекта¹⁶. Тем не менее, заикание становилось серьезным препятствием при проведении каких-либо торжественных церемоний. Крёстные должны были четко проговаривать имя ребенка, иначе последний, как считалось, тоже мог стать заикой или получить какое-либо увечье¹⁷. При бургундском дворе, вступая в должность, необходимо было принести клятву герцогу или кому-нибудь из его доверенных лиц. Эта клятва не стала препятствием для заик при бургундском дворе, среди которых назовем самых знаменитых: Бодуэна де Лануа (*Lannoü*), камергера герцога и брата путешественника и дипломата Жильбера де Лануа, и Пьера де Монблерю (*Montbléru*), стольника герцога, а затем виночерпия герцогини, который прослужил при дворе более 50 лет.

Распространенным было и прозвище Курносый (*dit Camus*). Оно принадлежало троим: помощнику фрухтмейстера Жану Ати (*Athy*), лучникам Рене де Дану (*Dannes*) и Жану Кему (*Kem*).

¹³ Ряд устаревших слов был переведен благодаря Словарю среднефранцузского языка (*Dictionnaire du Moyen Français*). URL: <http://cnrtl.fr/definition/dmf>.

¹⁴ Отметим, что это примерно вполтину меньше, чем дают другие источники для других регионов и социумов. *La Roncière C. M.* Le système anthroponymique dans la campagne toscane 1280–1380 // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age, Temps modernes*. 1998. Т. 110. N 1. P. 128; *Biolini A.* Étude d'anthroponymie génoise // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age, Temps modernes*. 1995. Т. 107. N 2. P. 494–495.

¹⁵ Например, неизменно уродливой внешностью наделялись ведьмы: *История уродства* / Под ред. У. Эко. М., 2007. С. 236.

¹⁶ *Ménard Ph.* Le rire et le sourire dans le roman courtois en France au Moyen âge (1150–1250). Genève, 1969. P. 652.

¹⁷ *Fine A.* L'héritage du nom de baptême // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. An. 1987. Vol. 42. N 4. P. 867.

Еще одной важной характеризующей деталью становится рост. Симоне Кареле (Carrelet) по прозвищу Журавль (dit Grue), наверное, был высок и худ. Адене де Латр (Lattre), напротив, был низкорослым, потому что имел прозвище Коротышка (dit Courtault¹⁸). Высоким был и Большой Готье (dit Grand Gauthier), Готье Белен (Belin), слуга при верховых лошадях. Поскольку при верховых лошадях было несколько Готье, то второго называли Маленьким (dit le Petit). Прозвище Малыш (dit Petiot), данное лучнику Жанне Блане (Blanet), дополнительно подчеркивается уменьшительным суффиксом в имени (Jeannet).

Жан Пруа (Prois), ответственный за жаркое, возможно, обладал большой головой, за что и был прозван Большая Голова (dit Grosse Teste¹⁹), так как едва ли он имел какое-то отношение к знаменитому философу Роберту Гроссетесту.

Не меньшим ростом и силой, чем Большой Готье, отличался и Жан Бога (Bogat) по прозвищу Силач (dit Costelle²⁰). Прозвище Франциска Флорентина (Florentin) Доброе (Хорошее) Тело (dit Bon Corps), наверное, следует рассматривать как признак хорошего физического состояния и здоровья.

Прозвища затрагивают и моральные стороны. Кухмейстер Денизо де Мазиль (Mazilles) по прозвищу Живчик (dit Saffret²¹), вероятно, обладал живым и веселым характером. Лучник Филиппа Доброго, а затем Карла Смелого Жан Берт (Berte) был назван Обжорой (dit Luffre²²), а Одри Пер (Pers), вооруженный сержант, имел прозвище Скрыга (dit Pingre).

Благочестие (возможно, ложное, наигранное) порождало многочисленных Монахов и Аббатов. Югенен Невиль (Neuville) по прозвищу Монах (dit Moine) был последовательно шталмейстером Изабеллы Португальской, первым хлебодаром Изабеллы Бурбон и виночерпием Маргариты Йорк. Ни одна из этих должностей не подразумевает ни монашества, ни аскезы. Жан Фарино (Farineau) имел прозвище Аббат (dit Abbé). На фоне этих Аббатов и Монахов резко выделяется лучник Колар Прево (Prevos) по прозвищу Язычник (dit Paien).

Внешность или моральные качества заставили прозвать Уткой (Canart²³) ассистента виночерпия Пьера Ассингема (Assinghem)? Возможно, грубым нравом отличался бастард де Сен-Пьер (Saint Pierre), за что был прозван Bordat, что означает «грубая ткань, домотканый холст»²⁴. Вместе с тем можно предположить, что это как-то связано с его незаконнорожденностью. Впрочем, отрицательные характеристики сопровождают отнюдь не всех бастардов. Матье,

¹⁸ Совр. courtaud.

¹⁹ Совр. grosse tête.

²⁰ Совр. costaud.

²¹ <http://cnrtl.fr/definition/dmf/SAFRET> (дата обращения 13.03.2014).

²² <http://cnrtl.fr/definition/dmf/luffre> (дата обращения 13.03.2014).

²³ Совр. canard.

²⁴ <http://cnrtl.fr/definition/dmf/bordat> (дата обращения 13.03.2014).

бастард де Брима (Brimeu) занимал довольно почетную должность хлебодача и имел прозвище Garin, что можно перевести как Умный, или Остроумный²⁵.

Впрочем, приходится признать, что все эти прозвища могли даваться и по принципу «от противного», чтобы еще больше подчеркнуть какой-либо физический или моральный недостаток²⁶. Мир «наоборот», мир «наизнанку» был характерен для средневековья²⁷. Тогда прозвища Силач, Коротышка, Обжора и прочие получают диаметрально противоположное толкование.

Вторая группа прозвищ позволяет нам делать выводы о профессиональных качествах и обязанностях должностного лица. Самую крупную группу составляют здесь прозвища, данные по названию профессии. Гильом Турнель (Tournel) по прозвищу Лучник (dit Archer), Жан Пулен (Poulain) по прозвищу Прачка (dit Lavandier) действительно занимали соответствующие должности. Колен по прозвищу При Собаках (dit Deschiens) работал на герцогской псарне.

Льенар Имбер (Imber) по прозвищу Маленький Мясник (dit petit Bouchier) был мальчиком при кухне и, возможно, занимался чем-то связанным с мясом. Вероятно, очень ценили посыльного при кухне Анрие Ле Февра (Fèvre), прозванного Позолоченным (dit Doré). Быстр как муха был посыльный Пьеркен Азель (Hazel), за что его так и прозвали — Муха (dit la Mouche). Но возможна и другая трактовка: мухой в средневековой Франции также называли человека коварного и лукавого или шпиона и доносчика²⁸. Вообще быстрота и ловкость очень ценились при бургундском дворе. Шарль Мишель (Michiel) по прозвищу Trot(t)et, слуга при факелах, а затем фрухтмейстер герцога, вероятно, хорошо ездил на лошади, так как прозвище происходит от глагола «trotter» — ездить верхом. Этим ценным умением обладал, вероятно, и привратник герцогини Изабеллы Португальской, которого прозвали Робен, Который Ездит Верхом (dit Robin qui trotte). Жан Маре (Mares) по прозвищу Бегун (dit Coureur) был гонцом.

Пьер Кан (Can), квартирмейстер Изабеллы Португальской, был прозван Trousson, или Trouchon за его быстрое умение собрать герцогиню в дорогу, так как в XV веке глагол «trousser» означал «упаковать багаж»²⁹. Угольщиком (dit Carbonnier³⁰) прозвали ответственного за кухонный очаг Жана Гайе (Gaillet). Хранитель герцогских шпалер Жан Прево (Prevost) получил прозвище Хлыст (dit Fouet) из-за движения, которым ткачи пробрасывали уток сквозь нити основы и которое имитировало удар хлыстом³¹.

²⁵ <http://cnrtl.fr/definition/dmf/garin> (дата обращения 13.03.2014).

²⁶ Achard P. Au nom du père. Ebauche du système anthroponymique français // Langage et société. 1982. N 22. P. 30.

²⁷ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 49–50.

²⁸ <http://cnrtl.fr/definition/dmf/mouche> (дата обращения 13.03.2014).

²⁹ <http://cnrtl.fr/etymologie/trousser> (дата обращения 13.03.2014).

³⁰ Совр. charbonnier.

³¹ Grand dictionnaire Universel du XIXe siècle. Paris, 1866–1878. Vol. 8. P. 79.

Эти прозвища позволяют нам конструировать образ идеального слуги. На что обращали внимание? Что поощрялось, а что высмеивалось? Если при дворе существовало представление об идеальном государе³², то не могло ли быть и образа идеального слуги? По-видимому, одной из самых важных характеристик для слуги была скорость: выполнить приказание быстро уже означало выполнить его хорошо.

Для лучников определяющим качеством была, разумеется, меткость, что и отражает прозвище Прицел (*dit Mire*), данное лучнику Гильому Фромону (*Fromont*). Жан д'Ариньи (*Arigny*), которого так и звали — Лучник (*dit Archer*), был, по-видимому, метким стрелком и впоследствии стал капитаном. В братстве лучников был Жан Байи (*Bailli*), прозванный Братишка (*dit Frérot*), который, наверное, вызывал всеобщую любовь.

Далеко не всегда прозвища действительно обозначали профессию. Например, Жан Патеностр (*Patenostre*)³³ по прозвищу Суп (*dit Potage*) был сначала помощником при хлебодарах, а затем распорядителем зала. Странно, что с таким прозвищем он не был мастером по супам (*potagier*). Жан Бардель (*Bardelle*) имел прозвище *Fournier* (пекарь, изготовитель печей или тот, кто держит общественную печь). Можно было бы предположить, что он занимал на кухне какую-то должность, связанную с изготовлением хлеба. В действительности же он никогда не числился при кухне, а был слугой при конюшне. Впрочем, ничто не мешало ему быть пекарем до того, как он поступил на бургундскую службу. Еще одно объяснение, разрешающее это противоречие, предлагает Симона Ру³⁴. Согласно ее наблюдениям за податными реестрами Парижа, если отец был пекарем, то его часто звали, например, Жан Пекарь. Сын же получал это прозвище, даже если он сам выбирал другую профессию. Таким образом, отец нашего Жана Барделя вполне мог печь хлеб, а сына отправить ко двору Великого герцога Запада, как называли Филиппа Доброго, чтобы тот попытал счастья. Случай Барделя не единственный. Жан Биссерель (*Bisserelles*) по прозвищу Виночерпий (*dit Echanson*) занимал пост шталмейстера.

Третья группа прозвищ связана с «национальностью» или местом, где человек долго жил или откуда прибыл. Из валлонского города Тюбиза был родом или прибыл извозчик Жирарден Дрон (*Dronne*), которого так и звали — Из Тюбиза (*dit de la Tubize*). Трудно сказать, откуда именно прибыл Колине д'Аррас по прозвищу Из Мопы (*dit de Maupas*): из Мопы или все-таки из Арраса.

³² *Асейнов Р.М.* Образ государя в «Обращении к герцогу Карлу» Ж. Шатлена // *Власть, общество и индивид в средневековой Европе* / [Отв. ред. Н.А. Хачатурян; сост. О.С. Воскобойников]. М., 2008. С. 398–422.

³³ В данном случае трудно сказать, чем именно являлось имя Пате(р)ностр. Воспринималось ли оно уже как фамилия или человек имел два прозвища? Этот случай — прекрасная иллюстрация тонкости границ между различными традициями именованья в позднем средневековье.

³⁴ *Ру С.* Повседневная жизнь Парижа в Средние века. М., 2008. С. 21.

Судя по прозвищу, из Пикардии был конюх Изабеллы Португальской, Изабеллы Бурбонской и Маргариты Йорк, которого звали Жан Гийе (Guillet) по прозвищу Пикардиец (dit le Picard).

Примеры Жана Ролана (Roland) из Люксембурга (dit de Luxembourg), Жака Фомпуля (Fomroul) по прозвищу Бретонец (dit le Breton)³⁵, Жана Лашенеля (Lachenel) и Сандрена Кеара (Cueart) из Булони (dit de Boulogne), Ютена Тьемброна (Thiembronne) из Бурнеля (dit Bournel) показывают, что к бургундскому двору приезжали со всех концов Франции.

Были при дворе и представители более отдаленных уголков Европы. Семейство Ангелен (Angelin) на бургундской службе было представлено двумя братьями Жаком и Филиппом и сыном последнего, Жаном. Все трое были конюхами и имели прозвище Австриец (dit d'Ostriche). Жан (Джон) Рее (Redee), по-видимому, был англичанином и прибыл из Стаффордшира (dit Staffort).

Итальянцев при бургундском дворе было достаточно много. Антуан ле Блан (Blanc) по прозвищу Из Милана (dit de Milan) был военным трубачом. При бургундском дворе итальянские музыканты особенно ценились, но были и представители менее специализированных профессий. Так, Пьер Колен (Colin) по прозвищу Ломбардец (dit le Lombart) был привратником.

Традиционный альянс Франции и Шотландии не помешал Эндрю О(л)дману (Oudeman)³⁶ по прозвищу Шотландец (dit l'Escossois) оказаться при бургундском дворе и занять там пост вооруженного привратника.

Имена пришельцев порой легко адаптировались к французскому языку, на котором составлялись придворные ордонансы³⁷. Так например, уроженец Сицилийского королевства, медик Филиппа Доброго метр Гонсальво Варгас (Gonzalve Vargas) превратился в Югона или Юга де Сальве (Hugon /Hugues de Salve). Такая игра слов, на наш взгляд, вдвойне обаятельна, так как медик обязан приносить здоровье³⁸.

Можно усмотреть характерную особенность — выходцы из Франции или Нидерландов чаще всего получают в качестве прозвищ названия городов, итальянцы — регионов или крупных городов, таких как Милан, а австрийцы, выходцы из страны достаточно далекой и малознакомой, обозначаются просто как австрийцы. Иными словами, по мере удаления от самой Бургундии значимость

³⁵ Возможно, однако, что Жак Фомпуль по прозвищу Бретонец не имел прямого отношения к Бретани, а связан с городом Фампу (Famproux) в совр. департаменте Па-де-Кале. В этой ситуации неясно, почему его прозвали Бретонцем.

³⁶ Вероятно, сначала фамилия писалась Ouldeman, но затем «l» редуцировалось, как во многих французских словах.

³⁷ Схожий пример деформации имен под влиянием языка встречается у М.-К. Каспер, но применительно к значительно более позднему периоду: *Casper M.-C. Hans, Jean et Joannes ou les langues du prénom // Langage et société. 1993. N 66. P. 77–97.*

³⁸ Лат. *salvere* — быть здоровым, хорошо себя чувствовать.

конкретного места рождения или прибытия теряется, что говорит об особенностях восприятия средневековым человеком окружающего его мира: для него на первом месте стоит его родная деревня или городок.

Самая малочисленная, но не менее интересная **четвертая группа** отражает эстетику, вкусы и символы эпохи. Первенство здесь держит поэтическая антропонимика. Сюжеты, с которыми связаны прозвища, соответствуют основным литературным предпочтениям бургундского двора.

Популярным источником новых имен и прозвищ во Франции стал артуровский цикл, любимый также и в Бургундии. Исследование М. Пастуро, посвященное именам, взятым из произведений о короле Артуре, демонстрирует как их значительное распространение, так и тенденцию к превращению прозвищ в крестильные имена³⁹. Имя Тристан, самое популярное согласно подсчетам Пастуро, при бургундском дворе почти не встречается: зафиксировано всего два имени, но речь в данном случае, скорее всего, идет именно о крестильных именах, а не о прозвищах, в том понимании, которое мы обозначили в начале данной статьи.

Пьер Шуазель (Choiseul) получил прозвище Галеот (dit Gallehaut) от своего отца, которого звали также Пьер (II) де Шуазель. Почему из всех представителей артуровского мифа, изобилующего образами благородных рыцарей, семья Шуазель избрала далеко не самого безупречного Галеота, который способствовал связи Ланселота и королевы Гвиневеры, остается пока загадкой.

Жирар де Рошбарон (Rochebaron) именуется Руссильонским (dit de Roussillon). Поскольку ни одно из его владений, насколько известно, не располагалось в регионе с этим названием, то рискнем предположить, что это имя он получил по аналогии с Жираром Руссильонским (Girard de Roussillon), персона которого играла важную роль в бургундской официальной пропаганде. Роман о Жираре Руссильонском признан исследователями «национальной эпопеей Бургундии»⁴⁰. Эта фигура древней истории в романе была превращена в персонажа, великолепно отвечающего всем замыслам и стремлениям бургундских герцогов. Правитель королевств Бургундии и Прованса IX в., Жирар Руссильонский восстал против Карла Лысого, так как тот попытался присвоить власть над Бургундией. Особую остроту этому факту придает упоминание о королевском статусе Бургундии, на которую претендовали герцоги в XV веке⁴¹. Биографии Филиппа и Жирара весьма схожи. Отец Жирара, Дрогон, был убит королем Франции, и сам Жирар задается вопросом: «Как я могу договориться с королем Франции, который убил моего отца?» Очевидна параллель с убийством членами свиты дофина Карла, будущего короля Франции Карла VII, герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного, отца Филиппа. Иными словами,

³⁹ *Pastoureau M.* Une histoire symbolique... P. 302.

⁴⁰ *Smeyers M.* L'Art de la miniature flamande. Tournai, 1998. P. 105.

⁴¹ *Асейнов Р.М.* «Милостью Божьей, герцог Бургундии...»: представления о власти герцога в бургундской политической мысли // Средние века. 2012. Вып. 73 (1–2). С. 24.

роман о Жираре Руссильонском играл большую роль не только в формировании литературных вкусов при дворе, но и имел острую политическую направленность. Сам ли Жирар де Рошбарон выбрал себе такое прозвище или ему его дали, к сожалению, неизвестно.

Античное наследие представлено в прозвищах слабо. Единственный пример обращения к нему, который нам удалось зафиксировать на страницах ордоновсов, это Жан де Брима (Brimeu) по прозвищу Атис (dit Athis). Трудно сказать точно, какой именно Атис имелся в виду. Рецепция античного наследия происходила достаточно сложно, через большое количество промежуточных произведений. Таким образом, маловероятно, что речь идет об Аттисе, фригийце, возлюбленном богини Кибелы. Возможно, это прозвище было дано в честь сына Креза, которого также звали Атис. Согласно Геродоту, он погиб, пораженный копьём во время охоты на кабана, как это и приснилось Крезу. Однако Геродот не был популярным при бургундском дворе автором⁴².

Античное наследие проявлялось не напрямую, а через средневековые произведения, навеянные античной тематикой. Речь идет, в первую очередь, о романе Александра де Берне или, как его еще называли, Александра Парижского, «Атис и Профилиас». В романе описана история двух друзей, Атиса и Профилиаса. Многочисленные любовные перипетии разворачиваются на фоне осады Афин римским войском. Этот стихотворный роман был достаточно знаменит в средневековой Франции, о чем свидетельствует количество сохранившихся экземпляров⁴³. Благодаря инвентарю, составленному в 1420 г., известно, что как минимум один экземпляр этого романа был в герцогской библиотеке⁴⁴.

Еще одного Атиса мы встречаем на страницах «Романа о Фивах», который также был в распоряжении герцогов Бургундских⁴⁵. Он был составлен в середине XII века на основе «Фиваиды», латинской поэмы Публия Папиния Стация⁴⁶. В борьбе за Фивы Атис принял сторону Этеокла из любви к Исмене, его сестре, и погиб случайно от руки Тидея, который хотел лишь пробить щит Атиса, но не рассчитал удар и убил его самого. Роман сильно изменяет текст поэмы Стация, и эти модификации прекрасно отвечают ценностям классического рыцарства⁴⁷.

Ряд прозвищ отражал рыцарские добродетели. Стольник Жан де Бурно (Bourneau) имел прозвище Свободное копьё (dit Francque Lance) и, разумеется, нельзя не упомянуть о Жаке де Лалене (Lalaing) по прозвищу Добрый Рыцарь (dit Le Bon Chevalier), красе и гордости бургундской знати.

⁴² *Doutrepoint G.* La littérature française à la cour des ducs de Bourgogne. Genève, 1970. P. 120–186.

⁴³ *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман. М., 1976. С. 90–91.

⁴⁴ Inventaire de la "bibliothèque" de Philippe le Bon (1420) / Par G. Doutrepoint. Bruxelles, 1906. N 107. P. 67.

⁴⁵ *Constans L.E.* La Légende d'Œdipe: étudiée dans l'antiquité au moyen âge et dans les temps modernes. Genève, 1974. P. 347–348.

⁴⁶ *Михайлов А.Д.* Французский... С. 41–43.

⁴⁷ *Бартелеми Д.* Рыцарство: От древней Германии до Франции XII века. СПб., 2012. С. 437.

Несмотря на то что прозвище воспринимается как нечто глубоко личное, уникальное, присущее только этому человеку и никому другому⁴⁸, тем не менее, как свидетельствует наш материал, прозвища наследовались. Иногда прозвища близких родственников находились в своеобразном диалоге друг с другом. Человек мог получить прозвище отца, или имя отца становилось прозвищем сына. Жана II де Салиньи (Saligny) часто звали Лурден (dit Lourdin) по имени его отца Лурдена I, сеньора де Салиньи⁴⁹, а Филипп де Шасса (Chassa) получил прозвище «маленький Бенетрю» (dit le Petit Benetru), потому что его отца, Жана де Шасса прозвали Бенетрю (dit Benetru). При бургундском дворе была широко распространена традиция семейной службы. За почти столетний промежуток менялись 2–3 поколения. Так, при дворе служили два брата, маркизы Роттельны (Rötteln): старший Рудольф и младший Гуго. Последнего называли Маленьким Маркизом (dit le Petit Marquis).

В этом ключе становится понятно, почему источник практически не фиксирует женских прозвищ. Прозвище, добавляющееся к родовому имени, служит не только для идентификации конкретного человека, но и для акцентирования целостности рода⁵⁰. Однако понятие рода было неизменно только в отношении мужчины, женщина же меняла свою семейную принадлежность при вступлении в брак. Единственной дамой, которая имела прозвище, была мадам Маргарита де Рувруа (Rouvroy) по прозвищу Бланш де Сен-Симон (dite Blanche de Saint Simon). Сен-Симон — владение ее отца, а «Бланш», то есть «Белая», возможно, подчеркивало белизну ее кожи, что считалось в средние века одним из критериев красоты знатной дамы, которая должна была быть белокожей в отличие от загорелой простолюдинки.

Безусловно, бо́льшая часть наших наблюдений является лишь гипотезой. У нас зачастую нет портретов наших героев, даже словесных, так как большинство из них настолько скромного происхождения, что о них сохранилось совсем немного информации. Так, например, по поводу Пьера Бладлена (Bladelin) по прозвищу Башмачник (dit Leestemaker(e), букв. «изготовитель башмака, колодок») можно было бы предположить разное. Казначей ордена Золотого руна, он занимал слишком высокое общественное положение, чтобы собственноручно тачать сапоги. Среди его предков не зафиксировано такого прозвища, значит, он получил его не от отца. Его прозвище, как считают, произошло от названия его замка, который Бладлен построил к северо-востоку от Брюгге. Предполагают, что в плане замок напоминал обувную колодку, за что его и назвали «den Leest». Самого же Бладлена стали звать Leestemakere, то есть дословно

⁴⁸ Такое мнение высказывает Г. Дюпон-Феррье: *Dupont-Ferrier G. Les noms de famille de France // Journal des savants. 1945. P. 172.*

⁴⁹ *Schmerb B. Lourdin, Seigneur de Saligny et de la Motte-Saint-Jean (v. 1370–1446). Une carrière à la cour de Bourgogne // Francia. 2004. Vol. 31/1. P. 45–94.*

⁵⁰ *Collomp A. Le Nom gardé // L'Homme: Revue française d'anthropologie. 1980. T. 20. N 4. P. 49–50.*

«Тот, кто сделал [замок] Леест»⁵¹. К сожалению, далеко не о каждой персоне при бургундском дворе мы имеем так много информации, которая позволяет нам разгадать их прозвища.

Остается и ряд вопросов. Получил ли знаменитый актер и поэт Мишо Ле Карон (Le Caron) свое прозвище Taillevent от названия знаменитой кулинарной книги *Le Viandier de Taillevent* или это прозвище имеет другую этимологию?⁵²

Мальчик при кухне, а затем слуга, вращавший вертел, на котором жарилась дичь, имел прозвище Треска (dit Sabillau). Возможно, по долгу своей службы на кухне он больше работал с рыбой, но есть и другая версия. В Нидерландах в этот период главными соперничавшими партиями были так называемые партии «крючков» и «трески»⁵³. Разумеется, маловероятно, чтобы слуга при кухне имел какое-то отношение к политическому соперничеству в Нидерландах, но и отрицать это у нас тоже нет оснований, тем более предполагают, что эта борьба затронула даже низшие слои общества⁵⁴.

Следует отметить, что бо́льшая часть анализируемых прозвищ принадлежит лицам, вероятнее всего, незнатного происхождения. Прозвища помогают нам приподнять завесу, в первую очередь, над низшим слоем бургундского придворного общества, о котором, как правило, известно мало: мелкими слугами в конюшне, на кухне и в других местах. Тем не менее, здесь также можно проследить закономерность: знать берет себе прозвища из эпоса и мифологии, прочие же довольствуются характеристиками внешности, профессиональных качеств или территориального происхождения. Из этого правила есть два исключения: высокопоставленные заики Бодуэн де Ланнуа и Пьер де Монблерю.

Наконец, двор представляется чрезвычайно замкнутым пространством, где по физическому признаку можно точно определить человека. Иногда прозвище не просто дополняло имя, оно могло вообще заменять его, и тем не менее этого, по всей вероятности, было достаточно для функционирования системы финансирования двора. Даже сегодня такая манера обозначения существенно облегчает работу исследователя, помогая идентифицировать того или иного человека.

⁵¹ *Vershelde K. Geschiedenis van Middelburg in Vlaenderen. Brugge, 1867. P. 15–16.*

⁵² Несмотря на то что Мишо Ле Карону посвящены не только статьи, но и отдельная монография, происхождение его прозвища остается загадкой, Р. Дешо лишь констатирует, что «Taillevent» — это именно прозвище: *Deschaux R. Un poète bourguignon du XVe siècle, Michault Taillevent: édition et étude. Genève, 1975.*

⁵³ Подобнее см.: *Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов. М., 2007. С. 65–66.*

⁵⁴ Там же. С. 75.

Abstract**E. Nosova. The Picard, the Pug-nosed and the Miser: Nicknames at the Burgundian Court (1363–1477)**

The article discusses nicknames appearing in court ordinance of Dukes of Burgundy (1363–1477), containing approximately 4500 names. During the medieval period, the boundary between name, surname and nickname was extremely delicate. Indicator that allows the author to single out the complex of nicknames is the noun «dit (e)», which can be translated as «nicknamed». Altogether it was found about 200 nicknames. Due to scarcity of information about the Burgundian officials, not all these nicknames can be interpreted. Those that are amenable to analysis, we combined into four groups: the first one relates to the characteristic of moral or physical qualities of man and his physical appearance, the second — the professional qualities, the third group emphasizes the territorial origin, and the fourth is a reflection of literary predilections.

The analysis showed that the trend towards giving nicknames pervaded all court society from chamberlains to kitchen servants. Nevertheless, we can highlight certain social preferences. For example, a nickname borrowed from romances and legends (the fourth group) are found only among the nobility. The second group associated with professional skills, clearly indicates that the main quality of a good servant was the speed. Often, the name of the profession or appointment was a nickname, but not always. For example, a man nicknamed «Echanson» was actually Master of the Horse. The third group confirmed the fact that the court of Dukes of Burgundy was attractive not only for their own subjects, but also for «foreigners» (English, Italian, Spanish).

We can also note the tendency to inheritance of nicknames by son or to a dialogue between nicknames of relatives. This fact explains why only one female nickname was found. Finally, the appearance of nicknames in official and in order to say more financial documents indicates the insularity of the court space where the nickname was an element of human identification.

Key words: Duchy of Burgundy (1363–1477), anthroponymy, nickname, Middle French, Arthurian cycle.

References

- Achard P.* Au nom du père. Ebauche du système anthroponymique français // *Langage et société*. 1982. N 22. P. 25–45.
- Aseyinov R. M.* «Milost’u Bogiej, gerzog Burgundii...»: predstavlenija o vlasti gerzoga v burgundskoj politicheskoj mysli // *Srednie veka*. 2012. № 73 (1–2).
- Aseyinov R. M.* Obraz gosudarja v «Obrashenii k gerzogu Karlu» G. Chatelaina // *Vlast’, obshestvo i individ v srednevekovoj Evrope*. M., 2008. C. 398–422.
- Barthélemy D.* Rytzarstvo: Ot drevnej Germanii do Francii XII veka. SPb., 2012.
- Billy P.-H.* Nommer en Basse-Normandie aux XIe–XVe siècles // *Cahier des Annales de Normandie*. 1995. N 26. P. 223–232.

- Birolini A.* Étude d'anthroponymie génoise // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes.* 1995. T. 107. N 2. P. 467–496.
- Casper M.-C.* Hans, Jean et Joannes ou les langues du prénom // *Langage et société.* 1993. N 66. P. 77–97.
- Collomp A.* Le Nom gardé // *L'Homme: Revue française d'anthropologie.* 1980. T. 20. N 4. P. 43–61.
- Constans L.E.* La Légende d'Œdipe: étudiée dans l'antiquité au moyen âge et dans les temps modernes. Genève, 1974.
- Deschaux R.* Un poète bourguignon du XVe siècle, Michault Taillevent: édition et étude. Genève, 1975.
- Die Hofordnungen der Herzöge von Burgund. Herzog Philipp der Gute (1407–1467) / Hrsg. von W. Paravicini, H. Kruse. Ostfildern, 2005.
- Doutrepont G.* La littérature française à la cour des ducs de Bourgogne. Genève, 1970.
- Dupont-Ferrier G.* Albert Dauzat. Les noms de famille de France [compte-rendu] // *Journal des savants.* 1945. P. 170–174.
- Eco U.* (red.) *Istorija urodstva.* M., 2007.
- Fine A.* L'héritage du nom de baptême // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations.* An. 1987. Vol. 42. N 4. P. 853–877.
- Grand dictionnaire Universel du XIXe siècle. Paris, 1866–1878.
- Gurevich A.J.* *Problemy srednevekovoj narodnoj kultury.* M., 1981.
- Guyojeannin O.* L'onomastique émilienne (XIe – milieu XIIIe siècle). Le cas de Reggio Emilia d'après le fonds de San Prospero // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes.* 1994. T. 106. N 2. P. 381–446.
- Inventaire de la «librairie» de Philippe le Bon (1420) / Par G. Doutrepont. Bruxelles, 1906.
- Kruse H.* Die Hofordnungen Herzog Philipps des Guten von Burgund // *Höfe und Hofordnungen. 1200–1600* / Hrsg. von H. Kruse und W. Paravicini. Sigmaringen, 1999. S. 141–165.
- La Roncière C.M.* Le système anthroponymique dans la campagne toscane 1280–1380 // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes.* 1998. T. 110. N 1. P. 125–136.
- Le Goff J.* *Srednekovij mir voobrajaemogo.* M., 2001.
- Martin J.-M.* Le devenir du cognomen et le début de l'émergence du nom de famille. Bari, 1266–1343 // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps modernes.* 1998. T. 110. N 1. P. 83–92.
- Ménard Ph.* Le rire et le sourire dans le roman courtois en France au Moyen âge (1150–1250). Genève, 1969.
- Mihajlov A.D.* *Frantzuzskij ryzarskij roman.* M., 1976.
- Paravicini W.* «Ordonnances de l'Hôtel» und «Escroes des gaiges». Wege zu einer prosographischen Erforschung des burgundischen Staats im fünfzehnten Jahrhundert // *Medieval Lives and the Historian. Studies in Medieval Prosopog-*

- raphy / Ed. by Bulst N., Genet J.-P. Western Michigan University. Michigan, 1986. P. 243–266.
- Paravicini W.* Ordreetrègle. Charles le Téméraire en ses ordonnances de l'hôtel // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. An. 1999. P. 311–359.
- Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Age occidental. Paris, 2004.
- Roux S.* Povsednevnaja gizn' Parija v Srednije veka. M., 2008.
- Schnerb B.* Lourdin, Seigneur de Saligny et de la Motte-Saint-Jean (v. 1370–1446). Une carrière à la cour de Bourgogne // Francia. 2004. Vol. 31/1. P. 45–94.
- Shatohina-Mordvintzeva G.A.* Istorija Niderlandov. M., 2007.
- Smeyers M.* L'Art de la miniature flamande. Tournai, 1998.
- Vershelde K.* Geschiedenis van Middelburg in Vlaenderen. Brugge, 1867.
- Zonabend Fr.* Le Nom de personne // L'Homme: Revue française d'anthropologie. 1980. Vol. 20. N 4. P. 7–23.